

Скорчившись под порывами ледяного ветра, упорно, зло, как героиня какого-то французского фильма шестидесятых, шёл по узенькой улице вдоль серых, увитых сухими лианами домов с окнами, закрытыми ребристыми ставнями. Шёл в направлении юга.

Небо было высоким и чистым. Слишком чистым — почти белым. Словно дождь промыл сам воздух, спустил в стоки голубизну...

Топкин усмехнулся этому поэтически-банальному образу, огляделся. Автомобили, забытые и остывшие, стояли плотно один к другому, будто пытаюсь друг от друга согреться, людей не было; единственное движение — бег по асфальту целлофановых обрывков, смятых бумаг. Но и их бег короткий — намокают, цепляются и замирают.

— Фауборг, Фауборг, — повторял Топкин заученное наверняка неправильно название улицы, которая доведёт до косо пересекающей её Рю де Клерю или как там её, а дальше — два шага до Лувра.

Добраться, сделать хоть что-то за эти дни. Хоть что-то увидеть...

Придя в себя сегодня, глянув в почти разрядившийся телефон, Топкин с настоящим, от которого шевелятся волосы, ужасом увидел, что уже понедельник, и значит пробухал, провалялся, провспоминал, просрал три дня из пяти. Послепослезавтра утром он поедет обратно... Хоть что-то успеть увидеть...

Вчера по программе была экскурсия в собор Парижской Богоматери и по Латинскому кварталу. Вчера он мог побродить по воскресному блошиному

рынку и купить какую-нибудь старинную безделушку на память. А вместо этого...

Чёрт, как же холодно! Вряд ли их группа получала удовольствие от прогулок, да и блошинный рынок вряд ли был — дубак.

Так, вот какая-то широкая улица пересекает Фауборг... Нет, это не та. Надо идти дальше... Светофор, зебра... Дальше...

Бросить кочевряжиться и поехать к жене и сыну. Наладить отношения. Сойтись. Чего теперь, кому нужны его принципы, его эта глупая решимость...

Вот-вот уедет Игорь Валеев — ему года полтора до пенсии, и почти готов дом под Краснодаром; Пашка Бобровский скурится, его выгонят с работы; Славян тоже дослуживает, скорее всего, последний срок по контракту, жалуется: намекают, что больше не продлят — кому нужен сорокалетний полусумасшедший прапор... Всё надеется квартиру выслужить, может, и получится... Паха Бахарев не выдержал и уехал года два назад, Саня Престенский — года три, Юлька Солдатова тоже, слышал, уехала, и Ленка Старостина... Да почти все... В бригаде люди меняются каждые полгода чуть ли не наполовину — слегка поднатореют и находят варианты за Саянами. Едут туда или совсем, или на время, подзаработать.

Тянет к сыну — к Даньке. Даниилу Андреевичу Топкину. А вот к жене... Через неделю-другую после того как её не стало рядом, Топкин с изумлением осознал, что совсем по ней не скучает. Слово и не было почти десяти лет, проведённых вместе, не было семьи, их как пары. И перебирая в памяти тех девушек, женщин, с которыми оказывался близок, определяя, чем отличались они друг от друга, чем нравились или не нравились, о ней — об Алине — он забывает.

Они познакомились на дне рождения одного из ребят их бригады. Виталик его звали, а может, Вадик, — он быстро уволится. Алина оказалась в числе подруг его жены... Праздновали небогато, но широко — условия позволяли. Виталик (или Вадик) жил в своём доме, и во дворе поставили столы, на них — кой-какую закуску, а выпивку гости приносили с собой. Бутылки и были подарком отмечающему тридцатилетие.

Что тридцатилетие, Топкин помнил наверняка — ему самому вскоре предстояла эта дата, и она не сулила ничего хорошего. Один, в не совсем своей квартире, работающий на странном для себя месте, которое хотелось бросить — не мог привыкнуть к высоте, чувствовал неуверенность, понимал, что до пенсии там попросту физически не дотянет...

День рождения сослуживца тётке тоже без всякой радости. Дом стоял неподалеку от ТЭЦ, труба которой, несмотря на лето, выбрасывала столб чёрного, жирного дыма. Время от времени, — видимо, направление ветра менялось — столы и сидящих за ними, словно чёрным снегом, посыпало крушинками пепла.

— Сколько говорили про фильтры, экологию, а всё вот так, — громко вздыхала мать Виталика (или Вадика). — Ещё когда селились сюда — обещаи... На огороде вон не растёт ничего, вянет, сохнет.

С её горем незамедлительно соглашались:

— Да-а, какой тут огород при таких-то осадках...

— Любые фильтры бесполезны. Этот уголь в мартеновских печах жечь надо.

— Моя тётка тоже в избе живёт, так они ведро засыпают, а потом полведра шлака выгребают.

За другим столом текла своя беседа, и тоже несправажная.

— А мне тут Юрка, брат сродный, рассказывал... Он по административке судится, ходит на заседания. Он один русский, остальные тувинцы все. И они на своём спорят, выясняют. Он посидел-посидел, не выдержал: "Алё, давайте заседание на государственном языке вести". Те перешли на русский, но ещё хуже — ничего не понятно, и они сами не понимают, переспрашивают друг друга постоянно.

— Ну дак, а чего ты хотел — судей русских уже и не осталось никого. Карнаухову съели, Солдатенкова съели, Ганина съели, даже Вайштока съели.

Андрей слушал, выпивал, когда предлагали, сгонял вилкой с тарелки чёрные шарики пепла. Было скучновато, виновника торжества он знал довольно плохо, лишь по работе, с остальными же, кроме ребят из бригады, вообще познакомился только здесь, да и то не со всеми... Паха Бахарев оказался далековато, так что поговорить было не с кем. Вот и слушал.

Напротив сидела миловидная девушка лет двадцати пяти. Кругловатое широкое лицо, старомодное голубое платышко с мелкими фиолетовыми цветочками. Явно не из тех, что тусят в клубах, ходят по каким-никаким, но всё же относительно дорогим и статусным кызылским бутикам... Пила не водку, как большинство, а по чуть-чуть вина.

Попереглядывались, а потом познакомились. Андрей не удивился, что такую простенькую девушку зовут хоть ещё и нечастым тогда, но народным именем Алина.

Выяснилось, что Алина с родителями живёт здесь же, в Каа-Хеме, но не в этом коттеджном районе возле ТЭЦ, а дальше, у берега Енисея.

— Чем занимаетесь? — спросил Андрей и тут же предложил: — Может, на ты?

— Давайте... Давай. Я? Я окончила пединститут.

— Да? Однокашники, значит. У меня три курса истфила.

— Очень приятно. Я — начальные классы... А работаю здесь, в кругло-суточном.

— В магазине?

— Угу.

— Не страшно? По ночам, наверно, алкашня лезет.

— Бывает. — Лицо Алины погрузтело. — Всяко бывает. Но меня на ночные смены редко ставят. По ночам у нас парни.

Эта грусть простой и, судя по всему, чистой, хорошей девушки тронула. Андрей глянул на пальцы её правой руки. Кольца не было.

— Не замужем?

— Нет.

— Не нашла достойного?

— Ну, — её лицо стало краснеть; Алина отвела глаза, — нормальные позаняты все, а за первого встречного как-то... — Замолчала на несколько секунд, будто взвешивая, перепроверяя себя. — Нет, не нужен мне первый встречный.

Но получилось, что такой вот первый встречный, оказавшийся рядом за столом на чужом празднике Андрей и стал её мужем...

Проводил её до калитки, слегка иногда приотставая, чтоб полюбоваться розовыми спелыми икрами, попросил номер телефона и в ближайшую субботу позвонил.

Гуляли по центру, по тем же самым местам, где десять лет назад Андрей гулял с Ольгой, пять лет назад — с Женечкой... Тихая, уютная улица Ленина от парка до площади Арата, скверик “Елочки” возле памятника Ленину и главного здания пединститута, который с недавних пор стал университетом; белоснежный драмтеатр, ещё один скверик — у гостиницы “Кызыл”... Посидели в кафе при кинотеатре “Найырал”, и Андрей с любопытством наблюдал, как Алина стесняется есть при посторонних, при нём, и вообще чувствует себя на людях неловко, зажато. “Как с другой планеты, в натуре”, — подумалось ему.

После нескольких таких суббот начались встречи по два-три раза в неделю. Андрей рассказывал о родителях, бывших женах, работах, Алина — о своей семье.

Оказалось, что её прадед и прабабка по отцу ещё до революции пришли в Урянхайский край с группой переселенцев-крестьян. Осели в селе Верхне-Никольском, нынешнем Бай-Хааке.

— Это Шаталовы... и я Шаталова. Их род из Рязанской области... губернии, — сбивчиво, но с желанием говорила Алина. — А по маме мы — казаки. Одного нашего предка убили чёрные киргизы на Иртыше, в одна тысяча восемьсот пятьдесят шестом году.

— Ты и дату помнишь? — недоверчиво улыбнулся Андрей.

— А как? С детства слышу... У нас любят говорить о прошлом... В общем, он и ещё одиннадцать казаков охраняли коней. Киргизы им отрезали головы и насадили на колья. Брат его... они вместе служили... не убежал от страха обратно на Дон, а пошёл дальше на восток. И дошли до Забайкалья. Мой прапрадед, дед мамин, жил под Кяхтой, город такой есть там... раньше он по-другому назывался... Прадед тут служил, в Кызыле, то есть в Белоцарске, когда Урянхай к России присоединили.

Андрей поправил:

— Не присоединили, а взяли под покровительство. Протекторат.

— Ну, какая разница...

Спорить Андрей не стал. Сам до конца не мог разобраться в тонкостях...

Однажды оказались возле старого кладбища. Оно находится неподалёку от той церковки, где Андрей наблюдал крестный ход. Здесь хоронили до шестидесятых годов, а потом открыли новое — в степи, на выезде из города в западном направлении.

На новом кладбище Андрей несколько раз бывал: на похоронах соседей, одноклассника Жеки Алёшина, умершего в девятнадцать лет от белокровия. А на это, окружённое какими-то базами, превратившимся в руины недостроен, зайти никогда повода не возникало. Если и проходил или проезжал мимо, поглядывал на заросшие польноью памятники за полуоваленным деревянным забором из реек с брезгливым недоумением: может, лучше сравнять с землёй этот остров заброшенности, какой-нибудь сквер разбить. Очень тоскливо.

И вот Алина предложила:

— Давай покажу могилки родни.

Было нежарко, солнце скрывала дымка, особых дел впереди не маячило, и он согласился.

По узенькой, кочковатой тропинке пошли меж обелисков с облупившейся краской, трухлявых тумбочек и крестов, ржавых оградок. Кое-где росли — нет, уже не росли, а мёртво торчали — засохшие без полива кусты и деревца.

— Раньше красиво было, — говорила Алина, — много памятников необычных. Шофёрам рули приделывали, лётчикам — алюминиевые самолётики. Теперь всё железное посодрали, сдали во вторчок.

Некоторые могилы оказались ухоженными — трава вырвана, обелиски покрашены, на проволочках висят хоть и выгоревшие на солнце, но вполне ещё свежие цветы из пластмассы; видимо, на родительский день прибирались.

— Вот и наши, — с каким-то умиротворённым облегчением выдохнула Алина. — Старшие. Другие на новом лежат. У нас там тоже свой участок.

Захоронения её родственников окружала крепкая стальная ограда. Внутри — семь или восемь могил. По центру — два больших гранитных памятника с выбитыми именами и годами жизни. Фотографий не было.

— Это вот мои прадедушка и прабабушка. Мартемьян Фёдорович и Екатерина Игнатьевна Канчуковы. Мамина линия.

Мартемьян Федорович родился в восемьсот девяносто третьем и умер в девятьсот пятьдесят пятом.

— Когда Туву присоединили, — говорила Алина, — тогда, до революции, сотню, в которой он служил, прислали из Забайкалья сюда. Охранять этих... чиновников, в общем. После революции сотня ушла, а прадедушка остался. Из-за прабабушки вот, — Алина кивнула на соседний памятник.

Екатерина Игнатьевна родилась в восемьсот девяносто восьмом и умерла в пятьдесят седьмом.

— Она жила во Владимировке... это тут недалеко село такое... и приехала в Кызыл на базар. В Белоцарск, то есть. — Почему-то Алине важны были те, прежние названия. — И они познакомились. Он к ней ездить стал. Оба были из староверов, но разных этих... ветвей... согласий. И родители были против, чтоб они общались, женились. После революции уже поженились. Прадедушка за красных стал, воевал с Кочетовым в одном отряде...

Алина рассказывала так, будто сама, своими глазами наблюдала историю их жизни. Ясно, что много раз слышала её в детстве, вспоминала сейчас, как что-то близкое не только по крови, но и по времени.

— С братьями Катерины воевал, один раз его чуть в реке не утопили... Чудом сбежал — уздечка, которой руки связаны были, перетёрлась... Родили семь детей, один маленьким умер. Он во Владимировке лежит. Ещё один на войне погиб, в Белоруссии. А тут вот другие дети — Георгий, Анна Мартемьяновна... Остальные на новом. Моя бабушка, Валентина Мартемьяновна, младшая была, в позапрошлом году умерла. Жалко, что ты её не знал. Она настоящая была.

Это “жалко” Алина произнесла так, что Андрей вздрогнул: словно они уже решили быть вместе, создать семью. А ведь ещё и не целовались даже...

Да, его неприятно удивили её слова, но потом, вечером, раздумывая о будущем, спросил себя: “А что, может, такая мне и нужна? Простая, без запросов, с полными розовыми икрами”.

Привлекала и её доверчивость. Даже на шутки и попытки розыгрыша отзывалась серьёзно, и Андрей тут же объяснял: “Я пошутил”.

Обнимать её, тащить к себе было стыдно, что ли. Как ребёнка совращать.

У Алины была старшая сестра, Надежда, тоже работавшая продавщицей, но в хорошем месте — торговом центре “Агрокомплекс”, — и брат Михаил. Брат жил на улице Подгорной, в своём доме, как и родители; у него, по рассказам Алины, была целая свиноферма внутри ограды. Ну, то есть несколько десятков свиней, которых он с женой откармливал, а зимой продавал мясо на рынке. Откормом свиней занимались и родители Алины, и она сама...

После месяца с лишним их свиданий-прогулок она пригласила в гости.

— У отца день рождения, и как раз познакомитесь, — добавила она. — Они давно про тебя интересуются. Только оденься, пожалуйста, традиционно.

— Хм, “Маленькую Веру” напоминает...

Алина нахмурилась:

— А?

— Нет-нет. Приду, конечно.

Тот день был будний, поэтому пришлось взять на работу брюки, белую рубашку, пиджак. В подарок купил Алининому отцу набор туалетной воды, крем для бритья, после бритья... Не хотел волноваться, но волновался, и пару раз чуть не закосячил с крепежами стеклопакетов. После смены торопливо стал переодеваться — время поджимало.

— Ты чего, опять женихаешься? — хмыкнул Паха.

— Кажется, да. — Андрей хотел ответить легко, но получилось почти строго.

А Паха, моментом тоже став строгим, кивнул:

— Давай, давай. Надо.

С улицы дом Шаталовых, обитый зелёной вагонкой, казался обычным, не таким уж большим и капитальным. Но со стороны двора вагонки не было, и Андрея поразили нереально толстые брёвна.

— Кедрач, — уловив взгляд гостя, ещё не поздоровавшись, гордо сказал отец Алины. — Мой дед, когда переселился сюда, в Кызыл, строил. Скоро восемьдесят лет избе. Нарочно здесь строились, у берега — брёвна-то по воде сплавливали с верховья. Такие никакими упряжками не потаскаешь.

Андрей уважительно покивал и представился.

— Да услышаны, слышаны, — отмахнулся отец Алины, но не пренебрежительно, а как от чего-то излишнего. — Георгий Анатольич Шаталов, — и протянул руку. — Твои родители уехали, Алина говорила.

— Давно. Они сами родом из Эстонии.

— Фамилия вроде русская — Топкины.

— Они русские, но родились там. Папа из старообрядцев...

Отец Алины снова отмахнулся, но теперь-то уж явно с пренебрежением: — А, теперь все из старообрядцев, староверов.

Андрей не стал доказывать, спорить... Георгий Анатольевич ему не то чтобы не понравился. Скорее, наоборот, — вызывал симпатию своей кряжистостью, силой. Немного теперь таких. Но старость уже подступала к нему, и вот-вот, через пять-семь лет стиснет, выжмет и придавит к земле...

Потом было знакомство с матерью Алины, её сестрой и сестриным мужем, тоже крепким, почти квадратным, кажется, из неудачливых, неразбо-

гатевших новых русских; с братом Михаилом, его женой и двумя детьми в возрасте учеников начальных классов. Мальчиком и девочкой...

Всех по именам Андрей сразу не запомнил, но Михаила выделил. Сухощавый, с решительным, даже слегка безумным блеском в серых глазах. Первый его вопрос Андрею был таким:

— Местный рожак?

— Что?

— Здесь родился или из приехавших?

— Строго говоря — из приехавших. Папа — офицер. С четырёх лет здесь живу.

— М-м, — Михаил улыбнулся, — с четырёх — это, считай, местный.

Мы-то тут ещё в дореволюцию корни пустили.

— Да, я знаю.

* * *

Лувр открылся неожиданно, когда Топкин решил, что снова заблудился, учелся не туда. Открылся сразу рядом, огромный, какой-то бездушный, мёртвый... Серовато-жёлтые стены, свинцового цвета крыши. Ничего общего с Зимним дворцом, с которым Топкин по фотографиям привык его сравнивать.

Может, да наверняка, летом он выглядел веселей, живым и тёплым, а сейчас... Вспомнилось вычитанное в путеводителе, что Лувр изначально строили не как дворец, а как крепость. И хоть ту крепость давно снесли, что-то от неё осталось. Крепость власти, стены, за которыми укрываются короли и их тесное окружение.

Топкин мялся на тротуаре, почему-то боясь пересечь улицу, оказаться под этими стенами; разглядывал доступную глазу часть площади перед Лувром. Пусто. Лишь несколько фигурок. Но они не гуляют, а скорчившись так же, как Топкин, стараясь уворачиваться от порывов ветра, куда-то спешат.

На этой стороне хоть какая-то защита — рядом тёплые кафешки, магазины, а там, на площади... Да, сначала надо согреться, а потом вступать туда, где странная и знаменитая стеклянная пирамидка, сад Тюильри, скульптуры, начало Елисейских Полей...

Заскочил в ближайшее кафе. С минуту стоял под горячими струями воздуха из кондиционера, крупно дрожа, сотрясаясь всем телом — только здесь, под этими струями, понял, как промёрз. Зубы стучали, мышцы были стянуты, будто уменьшились в несколько раз, глаза слезились. В продутой голове постукивала одна короткая мысль: “На хрена мне такой отдых... На хрена...”

— Бонжу-ур, — произнёс в эту минуту наблюдавший за ним паренёк в коричневом переднике.

Топкин пробормотал в ответ:

— Что, устал ждать, когда заказ сделаю? — А потом постарался улыбнуться: — Бонжур.

Прошагал к столику подальше от двери и окон. Снял всё ещё холодную и влажноватую куртку, уселся, пригладил волосы.

Официант положил перед ним меню. Толстенькую папочку.

— Кофе. Американо, — не глядя в неё, сказал Топкин. И добавил, вспомнив: — Силь ву пле.

— Кафэ? — переспросил официант.

— Да. Американо.

Официант явно не понимал. Или не хотел понимать.

— Ну, тогда это... Капучино.

— О, капучино! Жё компран... Круассан?

— Круассан... Нет, не надо. Но!

Официант кивнул и как-то скользяще в своих тапочках-кедах ушёл.

— А чего я отказался? — И Топкин почувствовал не голод — тяжесть в желудке, будто там лежит камень, — а истощение. Такое, до пота,

до сосания в каждой жилке. Казалось, кровь теперь не несёт в мясо силу и бодрость, а забирает её, вымывает, чтобы самой не останиться.

Схватил меню и стал искать знакомые названия блюд... Вот мясное — “boef”. Биф... Говядина. “Mouton”, это, кажется, баранина... Баранину... Французскую баранину. С каким-нибудь рисом...

В детстве Андрей не любил баранину. Ненавидел. Его тошнило от её запаха. Родители не настаивали, чтоб ел, — всегда находилось что-нибудь взамен. Потом, лет с двенадцати, то ли Андрей начал привыкать, а скорее с заменой её стало туго, и пришлось есть. А лет в пятнадцать полюбил, и в последнее время предпочитал баранину и говядине, и курице, не говоря уж о свинине, ядовитость которой ощущал по одному виду. А может, и переел свинины благодаря Штаталовым.

“Самое русское мясо, — говорил Михаил тоном проповедника. — Что во всех летописях написано? Что ни пир княжеский — молочные поросята, окорока”.

У них был какой-то блат на мелькомбинате, поэтому в кормах не возникало недостатка — мешки с комбикормом громоздились на стеллажах в стайках. А за перегородкой вечно хрюкало, возилось, толкалось...

Штаталовы трудились с утра до ночи. Этакие осколки настоящего крестьянства. Не крепостного, а свободного, того, что когда-то превращало дикую Сибирь в плодородный край.

И у старших Штаталовых, и у Михаила были просторные огороды, и каждый метр чем-нибудь засажен. Сестра Алины хоть и жила в квартире, всё свободное время проводила над грядками, парниками, в тепличках.

Поначалу Андрей смотрел на этот образ жизни с удивлением и невольной безразличностью, а потом обнаружил, что втягивается сам.

Как-то помог Георгию Анатольевичу перенести металлическую бадью с места на место, потом поднял поливальный шланг, затем принял участие в загоне забежавшей в огород курицы обратно на птичий дворик...

Его умиляло, как Алина объясняет, какие растения сорные, а какие посажены специально; она становилась похожей на учительницу начальных классов, на которую, в общем-то, и училась, и, может, мечтала работать.

— Это морковь, а вот среди неё — кулырь. Видишь, замаскировался как... Вообще-то он тоже полезный — его сушат, в мясо добавляют, но он тут морковку душит... Вырываем! А вот свекольник. Совсем как ботва у картошки. Да ведь? Он вообще никуда не годен, даже куры не едят. Весь огород заполонил, хотя и полем его всю жизнь. Он мне снится даже, гад такой.

“Всю жизнь”, — мысленно повторял Андрей, готовый ужаснуться, и в то же время чувствовал нечто вроде зависти: вот цель — избавиться от этого свекольника, о котором он ещё неделю назад не имел никакого понятия, не ведал о его существовании... Смешная, конечно, цель, но она есть...

Алина уважала Михаила, как отца, хотя он был всего на два года старше, и если ругал её, отчитывал, воспринимала это без протеста — виновато опускала голову, кивала, соглашаясь. Мол, да, напортила, извини.

Михаил служил в армии, говорил, что просился в Чечню, но не попал. Их полк стоял под Кизляром, и служба Михаила пришлась на относительно мирное время на Северном Кавказе: девяносто седьмой — девяносто восьмой.

— Хотел на контракте остаться, а родоки: приезжай, не можем без тебя, зашиваемся, дел невпроворот, — рассказывал он, часто и быстро затягиваясь сигаретой, подёргиваясь от всегда переполнявшей его энергии. — Ну, и боялись, понятное дело, за меня. Если б я знал, что эта швалина басаевская на Кизляр ползет через полгода, как дембельнулся, я б... Я бы им, сука!..

Вместо войны Михаил занимался укреплением своего хозяйства — пятнадцати соток каменистой земли на южной окраине Кызыла. Вернее, каменистой земля была вокруг, а у Михаила и его семьи — чернозём и перегной. По крайней мере, на два штыка лопаты.

Их владения окружал глухой, внахлест, двухметровый забор с колючей проволокой поверху; ворота были железные, окна избы закрывались на ночь ставнями со стальными пластинами и штырями. Штыри просовывались в просверленные в стенах сруба отверстия и закручивались изнутри болтами.

— Крепость, — гордо говорил Михаил. — Я отсюда никуда не уйду. Моя земля.

Андрей кивал, давя кривящую губы ухмылку. Те же слова он слышал от Женечки. И где она теперь? Свалила при первом же удобном случае... А до неё слышал от первого тестя — отца Ольги. Родители Ольги тоже свалили из Кызыла — живут теперь по ту сторону Саян, в Шушенском.

Правда, и ухмылка лезла на лицо как-то робко — Михаилу верилось. Тем более, что он был членом казачьего общества. Не войска, а именно общества. Что-то вроде “Тувинские казаки”.

— Нас больше ста человек уже, — рассказывал Михаил, — и записываются каждую неделю. И тувинцы есть. Православные. Наелись своей самобытности, суверенности. Куда они без России?

У Михаила и форма была с красными погонами. На каждом по три лычками.

— Урядник. Из армии сержантом ушёл, автоматом звание перешло... Некоторые звания тут получают чуть не каждые полгода. Я против. Заслужить надо, важное что-то сделать.

Он показал пашку. Вроде как настоящую. Открыл узкий высокий сейф и вынул карабин, травматический пистолет с толстым коротким стволом.

— Если кто всерьёз сунется — шмальну без разговоров. Пусть знают. Я себя и семью свою зачмырить не дам.

Познакомившись с семьёй Алины ближе, Андрей заметил, что Михаил повторял слова отца. Но тот вёл себя сдержанней, фразами не бросался. Георгий Анатольевич больше делал, чем разлагольствовал.

Шаталовы, Паха Бахарев, ещё несколько парней из бригады укрепляли надежду Андрея, что Тува действительно останется частью России. Не формальной, не по документам и обозначению на политической карте, а... Как там говорят — культурно, духовно. Не отвалится так же, как республика на севере Кавказа, где, говорят, люди со славянскими лицами воспринимаются уже как инородное что-то, чужое, а русский язык вызывает изумление и напряжение.

Хотя в Дагестане многие общаются по-русски, но лишь потому, что аварцу, например, его выучить легче, чем десяток языков людей тех народностей, что живут рядом — лакцев, кумыков, даргинцев, табасаранов...

Дагестан — исключение. В остальных республиках, да местами и на Ставрополье, Кубани, в Ростовской области русский язык стал не нужен, в школах, а потом и вузах учили на своём, в магазинах, поликлиниках, учреждениях общались по-своему... Так, по крайней мере, рассказывали те, кто там побывал, и Андрей верил. Жизнь в Кызыле подтверждала это: русская речь звучала всё реже, устроиться на работу нетувинцам становилось трудней и трудней. Выручали русские бизнесмены, которые старались брать своих, но и самих бизнесменов прижимали, зажимали, разоряли, выдавливали за пределы Тувы...

Летом две тысячи шестого на южной окраине города, по дороге в аэропорт началось строительство грандиозного сооружения — многие сомневались, что не бросят, достроят — спортивного комплекса с искусственным катком.

Строительство курировали, как это принято теперь называть, очень серьёзные люди, бригады были из-за Саян, поэтому фирму, в которой работал Андрей, туда не подпускали... Но не в этом суть.

Когда зашла речь о том, как назвать комплекс, всплыло имя Субедея, военачальника из армии Чингисхана, потом Батыея. Местные историки откопали сведения, что Субедей был по происхождению тувинец. Ну, не тувинец, но из тех, кто жил на территории нынешней Тувы в тринадцатом веке.

Идея назвать спорткомплекс в честь этого персонажа возмутила крошечную, ту, что ещё имела возможность и способность на что-то как-то реагировать, часть русского населения:

— Он на Калке на русских князьях пировал! Он Рязань сжёг, Коломну, Москву, Владимир, Киев! Вырезал десятки тысяч в Китае, Средней Азии, на Кавказе, в Восточной Европе! Он кровавый монстр просто-напросто!

Тувинские историки отвечали:

— Во-первых, Субедей-маадыр — великий полководец, не проигравший ни одной битвы. Им восхищался ваш русский историк Лев Гумилёв, его талант признавал Карамзин. Во-вторых, в честь многих завоевателей по всему миру называют сооружения, парки, им ставят памятники. Субедей-маадыр участвовал в создании великой империи, самой большой по территории за всю историю человечества, и его имя должно быть увековечено на его родине!

Открытый спор прекратило мнение из федерального центра: каждый национальный регион имеет право на своего героя. Пусть в Туве таковым будет полумифический, из далёкого прошлого соратник Чингисхана.

Спорткомплексе называли “Субедей”, а немного позже в его фойе поставили статую из жёлтого металла — воин в монгольских доспехах.

На открытие приехали высокие московские люди — тогдашний министр МЧС и сопредседатель партии “Единая Россия” Сергей Шойгу, министр спорта Вячеслав Фетисов, олимпийские чемпионы... Андрей смотрел репортаж по телевизору вместе с Алиной и со страхом ждал, что она предложит: “А давай как-нибудь сходим...” Но она молчала. Может, знала от отца или брата, кто такой этот герой для русских, может, сама прочитала, а скорее всего, просто пока не осознала, что туда, где побывали такие известные господа, возможно попасть простому смертному.

Не бывали они там и позже, даже когда стал подрастать Данька. К моральным причинам добавились и вполне конкретные: оказалось, что спорткомплекс построен из вредных материалов, у искусственного льда повышенная токсичность... В “Субедее” Топкин окажется через несколько лет после открытия, по работе — будут менять часть окон, которые, по определению бригадира, строители поставили “жопой”.

Но ладно с этим “Субедеем”. Как он сходил с Алиной? Как она стала его женой?.. Хм, а ведь сложно вспомнить...

Однажды, уже поздней осенью две тысячи пятого, — значит, почти через полгода после начала общения, — провожая Алину на такси домой, он увидел в её глазах не то чтобы страсть, призыв, а решимость, которая сразу возбудила, распалила, заставила спросить низким, мужским голосом:

— Может быть, ко мне?

И Алина кивнула. Коротко, резко. И отвернулась.

— Меняем маршрут, — сказал Андрей водителю, назвал свой адрес.

Водитель бормотнул недовольно и неразборчиво, включил рацию, забубнил в её трески и щелчки:

— Урана, это Виталя, который от муздрама до Серебрянки везёт... Клиенты передумали, блин. Теперь до Калинина, дом двадцать шесть. Посчитай меня.

— А ты где сейчас? — спросил в ответ женский голос.

— К “Востоку” подгребаюсь.

Через полминуты из динамика прозвучала новая сумма проезда. Почти в два раза выше.

— Ничего, — мысленно успокоил себя Андрей и в то же время почувствовал подрагивание в ногах, пощипывание пальцев; только сейчас осознал, что вот-вот произойдёт секс, которого у него давным-давно не было. И не очень-то хотелось...

— А родители волноваться не будут? — спросил Алину.

Не оборачиваясь к нему, она снова резко и коротко дёрнула головой, но теперь отрицательно, и сказала:

— Не будут. Я предупредила.

Вот так-так — предупредила. Значит, знала заранее... А ещё говорят, что мужчины всё решают. Нет, права поговорка: сука не захочет — кобель не вскочит. Он стал по-другому глядеть на Алину, подозревая в ней опытность, расчёт, представлял раскинутые сети...

Она оказалась девушкой в том смысле, какой это слово имело первоначально. До Андрея у неё не было мужчины. Он понял это ещё до секса — по тому, как она боится, как неумело, некрасиво раздевается. И спросил напрямую, довольно грубо:

— Точно хочешь сделать это со мной? Чтоб я это сделал? Может, у нас ничего не получится дальше... в будущем.

Она каким-то и лепечущим, и уверенным голосом ответила:

— Я хочу, чтобы ты был первым. Единственным. Я не знаю, но я влюбилась... Я тебя полюбила.

Его не тронули её слова. Наоборот, появилось такое странное, — а может, и не странное — желание. Своими словами Андрей не мог его сформулировать, но вовремя вспомнилась строчка из Есенина: “Изомну, как цвет...” Правда, у Есенина там про хмель страсти, а он был спокоен и рассудителен.

Раздевшись, прошёл к шкафу, достал старую простыню. Развернул на четверть, постелил на то место, где должен был оказаться зад Алины. Сказал:

— Ложись.

Она, подрагивая, потирая, будто замёрзнув, плечи, легла... А утром повела себя, как хозяйка. Не нагло, а так — со скромностью, но всё же похозяйски. Проверила его запасы в холодильнике, в тумбочке, где лежали крупы, макароны. Осмотрела посуду.

— Я приготовлю яичницу? — предложила. — Или могу олады сделать. У тебя вот сгущенка есть.

— Можно олады. — Андрей хотел казаться равнодушным и холодным, а на самом деле чувствовал умиротворение и тихую радость. Алина была какой-то уютной и на расстоянии тёплой...

Андрей стоял в дверном проёме между прихожей и кухней и наблюдал за новой девушкой в квартире... Казавшаяся полноватой в джинсах, кофтах, сейчас, в тонком халате, который Андрей специально держал для таких вот, оставшихся у него на утро, она выглядела стройной и фигуристой. Розоватые крепкие ноги, шары плеч прямо вопили о здоровье, женской силе.

Она энергично, умело взбивала вилкой тесто для оладий, лицо было сосредоточенно, серьёзно. Вся погрузилась в этот процесс... Уловила взгляд Андрея, обернулась, в глазах появилась растерянность и испуг: “Я не то делаю?” Но он улыбнулся, и её лицо стало счастливым. А потом — озабоченным:

— Тебе ведь на работу сегодня?

— Да... Надо собираться... Работать, — медленно сказал Андрей и добавил после ещё одной паузы: — Оставайся.

И она осталась. И стала жить.

О загсе не поминала, не мечтала вслух о свадьбе, но с каждой неделей каким-то образом — не словами, не взглядом, не показной грустью, а иначе, неуловимо, — всё сильнее давала понять Андрею, что нужно узаконить их отношения.

И он сделал ей предложение незадолго до Нового года.

* * *

Кофе и тарелка баранины с печёным картофелем согрели, прибавили сил. Ещё бы покурить в тепле, и было бы совсем хорошо. Но курить в кафе нельзя. Ни в Париже, ни теперь у нас.

Топкин сидел за столом, катал меж пальцев сигарету, готовился к выходу на улицу. Настраивал себя.

Выходить не хотелось; он и не знал, что так боится холода — аж подташнивало от мысли о нём. Ждёт, караулит за дверью и сразу накинется, полезет под куртку, сожмёт, как железные пальцы, голову...

— Сибиряк не тот, кто не боится холода, а тот, кто правильно одевается, — сказал он себе и засмеялся. Довольно, кажется, громко, потому что люди за соседними столиками оглянулись на него.

А с Алиной было ему тепло и уютно. Она не мучила суховатой красотой, как Ольга, не сжигала страстью, как Женечка. Никогда не лезла целоваться, не забиралась рукой под трусы, но и не бывала холодна и неприступна. Иногда смотрела с молчаливой и несмелой надеждой: “Может, обнимешь?” — и он обнимал. Ему было удобно с ней все эти восемь лет и большего не хотелось...

Не предохраняясь, но в первые два года Алина не могла забеременеть. Только стали всерьёз беспокоиться, решили сдавать анализы, это случилось. Родился мальчик. Топкину не пришлось очень уж страдать от бессонных ночей, пелёнок и прочего — мать Алины большую часть забот взяла на себя. Это его тоже устраивало.

Сын Данька рос, постепенно превращаясь из заводной — когда не спал — куклы в человека, а потом стал другом, маленьким мужичком, рассудительным и серьёзным; жена заботилась о доме, муже и сыне. И когда Топкин уверился, что так оно и будет дальше долго-долго... Ну, не совсем так, не статично, а как положено — они с Алиной матереют, потом медленнее стареют, а Дания и, даст Бог, ещё ребёнок — лучше дочка — взрослеют, расцветают, становятся им помощниками, защитниками... Да, когда он уверился: так оно и будет — будет, как в правильных семьях, их семья раскололась, а потом погибла.

Но сначала была свадьба.

Андрей к ней не готовился, не волновался, как в первый раз, во второй. Денег давал, но в меру, да Алина и не просила много... Сходил в универмаг “Саяны”, выбрал хороший светло-серый костюм, туфли в тон, заодно отметил, что “Джент” исчез, вместо него появился салон стиральных машин. Подстригся в парикмахерской, купил два золотых кольца в ювелирке...

У Михаила был разработан целый сценарий свадебной церемонии по казачьему образцу, но из-за морозов — женились после Рождества — пришлось от многого отказаться. Больше всего Михаила и его друзей-казаков расстроило, что не удалось уговорить молодых провезти их на дрожках от Каа-Хема до загса в центре Кызыла.

— Мы ведь замёрзнем, Миш! — чуть не плакала Алина. — Не надо, пожалуйста.

И Андрей поддержал:

— Не стоит — минус тридцать пять обещают.

Вообще ему в эти дни было не до веселья: родители и сестра отказались приехать. Татьяна недавно родила первого долгожданного ребёнка — сына Юру, — а родители...

Из староверов они за последние годы превратились в настоящих эстонцев. И это в без малого шестьдесят. Переоделись в европейское, выучили язык, переехали в Тарту. Мама устроилась воспитательницей в частный детский сад, где были в основном дети этнических русских, а папа — инструктором в местную дружину кайтселлита — Союза самообороны.

Ссылались на рабочие дни: “А на двое суток что нам срыватьсь?” — на самочувствие, но было видно, что им не хочется сюда, в Россию, в Сибирь, а может, не только не хочется, но и нежелательно... Андрей прямо так, со слезами, не настаивал, хотя стало обидно и неловко: каким-то сиротой жениться при живых родителях. Когда была свадьба с Женечкой, этой неловкости он не чувствовал.

Договорились, что родители и Татьяна будут участвовать в свадьбе по скайпу. Андрей долго не мог понять, что это.

— Ты что, — как-то насмешливо ответил папа, — великая вещь. Недавно изобрели, и у нас тут все пользуются. Типа бесплатного видеотелефона. Сейчас пришло сылку, установи в компьютере.

Накануне Михаил привёз Андрею домой несколько сумок с вещами Алины. Это было частью обряда... На ночь невеста осталась у родителей, а Андрей почти не спал. Не то чтобы взвешивал своё решение, сомневался, перепроверял, мучился. Да нет, в общем, был спокоен. Но — не спалось.

Где-то за этим спокойствием билась, как пульсик, надежда, что уж эта попытка создать семью окажется последней. Последней, потому что удачной.

И несколько последующий лет можно считать счастливыми, но... но пустоватыми. А почему “но”? Когда ты счастлив, когда нет встрясок, ссор, выматывающих нервы выяснений отношений, не замечаешь, как щёлкают дни, недели, месяцы. Тебе спокойно и хорошо.

Родители явно пожалели, что не приехали. Ещё когда поздравляли молодых на экране ноутбука, с любопытством разглядывали Алину, улыбались ей,

были, кажется, искренне рады за сына. А недели через две стали настойчиво приглашать провести в Эстонии медовый месяц.

— У нас с середины марта весна совсем. Отдохните, полюбуется Старым городом, морем подышите, узнаете наш милый Тарту.

Андрей не брал на работе полноценный отпуск уже года два — так всё, по три дня, по неделе; Алина, переехав к нему, собиралась уйти из того магазина в Каа-Хеме и сейчас искала место поближе к их дому, пока безуспешно. Деньги, подкопленные и подаренные на свадьбу, имелись, и — решили поехать. Андрей нашёл дополнительную причину:

— Хоть на племяша гляну.

Получение приглашения, подготовка и отсылка документов на визы, ожидание виз... Яростным противником поездки стал Михаил:

— На хрена вам сдалась эта Эстония? Она вон под америкосов ложится, ноги раздвигает шире некуда, русских гнобит, а вы...

Андрей вяло оправдывался:

— У меня там родители, сестра.

— Они русские у тебя?

Андрей кивал.

— Ну, так пусть сюда и едут. Вам-то на хрена?! Бабло ещё в их кормушку сыпать. Сколько они за визу дерут?

— Да ладно, мелочь. Красиво там, Алина посмотрит.

— Лучше б в Томск съездили, в Иркутск. Во, на Байкал!

Сам Михаил, кроме Северного Кавказа, где служил, и Красноярска с Абаканом, нигде, кажется, не бывал. И о той России, что за Уралом, чаще всего говорил, как о чем-то почти чужом, считая Сибирь отдельной страной... То ли сам наткнулся, то ли друзья-казаки подсказали почитать Потанина — “не олигарха этого, а правильного, в начале прошлого века жил”, — и теперь часто о нём вспоминал, цитировал наверняка очень вольно, приписывая ему свои мысли:

— Сибирь сама себя всем обеспечивать может. Здесь всё есть, чтоб рай земной устроить, а не быть придатком. Сперва каторжан спихивали, ворьём всяким, душегубами набивали, теперь нефть выкачивают, газ, тайгу рубят, реки вон все в гнилые водохранилища превратили. И всё, сука, на экспорт, в Китай. Создать Сибирскую республику от Байкала до Тюмени и жить королями. Без Москвы и китайцев.

Андрей эти разговоры не поддерживал. Не то чтобы был абсолютно против, но понимал: такого никогда не случится. А Михаил, словно угадывая это чувство, убеждал:

— Вот смотри. Где логика в делении России и вообще Советского Союза? Союзные республики, автономные... автономные области ещё, округа национальные, края, области просто. Помнишь, наверно, из истории, что была Карело-Финская республика. Шестнадцатая. И ведь осталась она в этом, как его, статусе, и она бы в девяносто первом сбежала. А? А на всю Сибирюшку, на весь Дальний Восток — ни одной союзной республике не было. Хотя столько народов живёт. Чем хакасы или буряты хуже эстонцев ваших? У хакасов когда-то государство было — мама не горюй! От Амура до Иртыша и на юг до Индии! Или чукчи. С ними даже Сталин не смог справиться — как жили своим миром, так и живут.

Михаил останавливался, понимая, видимо, что зашёл в своих рассуждениях не совсем туда, и объяснял:

— Я это к тому, что надо было Сибирскую союзную республику делать, Дальневосточную... И пусть бы они, когда пошла такая замута в девяносто первом, сами решали... И Ельцин бы, слушай, Беловежье так легко бы не подписал. Подумал бы, гад, с чем останется. С Москвой и Рязанью ему бы долго не протянуть было... Согласен?

— Ну, наверно, — пожимал плечами Андрей.

— Да не наверно, а точно!.. А теперь их всех кормим... И всем — враги! Прибалтам, грузинам, Средней Азии, Молдавии, Украине даже! Не знаю, как в Москве там, а у нас тут каждый второй украинец или полуукраинец по крови, фамилий каких только нет, со всей бывшей империи...

Мы б с ними со всеми нормально договорились. Они ж не от нас прочь лезут, а от Москвы.

Тогда, в две тысячи шестом, слушая Михаила, Андрей мысленно улыбался его наивности и простоте, а теперь, в две тысячи четырнадцатом, удивлялся прозорливости. Но и тогда, и теперь он повторял про себя: “Всё сложнее, всё куда сложнее”. И знал лишь одно: сам он, Андрей Топкин, должен жить здесь, должен держаться за эту землю.

Он постоянно встречал считавших так же и неизбежно терял их...

В конце марта отправились с Алиной в свадебное путешествие. Её родители волновались, словно провозжали дочь в опасный путь и не надеялись увидеть снова. Михаил был мрачен, его жена Ира завистливо поглядывала на золовку, сестра Алины напоминала, что там купить, какие сувенирчики, — было очевидно, за последние недели она изучила Эстонию при помощи интернета до последней мелочи.

Известным Андрею, но уже подзабытым путём — из Кызыла на автобусе в Абакан, из Абакана самолётом в Москву, а из Москвы самолётом в Таллин — прибыли на родину его родителей. Малую, историческую, а теперь и настоящую, по гражданству...

В аэропорту их встречал высокий, красивый мужчина лет около сорока. В костюме и галстуке. Типичный киношный клерк из офиса. В руках держал бумажку с надписью: “Mr. Topkin”.

Оказалось, что это Леннарт, муж сестры Татьяны. Вернее, гражданский муж. Сожитель. “Ребёнка заделали, а отношения не оформили, — подумал Андрей с каким-то стариковским осуждением. — Ну, а что, — тут же возник внутри новый, издевательский голос, — я вот третий раз оформляю, а толку...”

На парковке стоял кроссовер “Фольксваген” Леннарта. Загрузились, поехали. На восток, в Тарту.

— Как Татьяна, — больше из вежливости, чем из любопытства интересовался Андрей, — Юрик?

— Юри, — поправил Леннарт. — Всё хорошо. У Таня были проблемы с молоком, но теперь хорошо.

Леннарт говорил не то чтобы с акцентом, но необычно для уха. Слишком старательно выговаривал слова... По сути, Андрей с эстонцами толком ещё не общался — в прошлые приезды его окружали русские.

— А вы, извините, — спросил осторожно, — эстонец?

Леннарт ответил сразу и резко — рубанул коротким “нет!” И после паузы заговорил мягче, но с какой-то нервной убеждённостью:

— Просто я здесь родился и хочу здесь нормально жить... Вообще меня Леонидом зовут, но лучше — Леннарт. Так уже привычней, да и удобней, честно говоря. Всё-таки к представителям титульной национальности лучше относятся. В плане работы, остального. Здесь многие меняют имена, фамилии... Изменяют, вернее. — Теперь в его голосе слышалась чуть ли не досада, и Андрей пожалел, что спросил про эстонца. — А куда мне уезжать? Родителей сюда прислало по распределению. Из Калуги. Рады были до седьмого неба — Эстония, цивилизйшен, архитектура, отдельная квартира. А потом — такое... И возвращаться некуда. Пришлось становиться эстонцами.

— А мои вот всю жизнь в России, — вздохнул Андрей, — а потом решили вернуться. Теперь тоже эстонцы.

— И правильно. Смешно это — в двадцать первом веке в армяках ходить, с бородами. Староверов здесь и держат, как индейцев в Америке, — для экзотики. Такая толерантность с гримасой... Да и всё равно — ещё поколение, другое, и не будет никаких староверов.

— А тут лес настоящий есть, — удивилась Алина. — Я думала, сплошные парки.

Дорога, довольно убитая, действительно шла через еловые дебри.

— Эстония, конечно, маленькая страна, — к Леониду-Леннарту вернулась прежняя интонация, — но в ней всё есть. В этом вы убедитесь сами.

Родители заметно постарели, но выглядели бодро. Жили в той квартире в центре Тарту, где провела детство и юность мама. С ними жила и старшая

мамина сестра Эльвира, тетя Эля, несколько лет назад похоронившая мужа, бездетная, теперь совсем немощная. По сути, из-за неё родители и переехали сюда — присматривать, помогать. Вернее, это стало поводом. Переехали и стали обычными горожанами, а не староверами-отшельниками.

Глядя сейчас на папу, Андрей понял, что староверство было необходимо ему тогда, в начале девяностых, чтоб найти новый смысл в жизни после увольнения из армии.

Десять с лишним лет оно было смыслом. Деревня, почти вся состоящая из родственников, вроде и русская, но не совсем, хозяйство, дом, где вырос... Этаким психологический карантин... Постепенно они с мамой обвыклись не в России, но и не в настоящей Эстонии, а потом, когда боль и страх от переезда, почти эмиграции, пусть и на родину, прошли, двинулись дальше, в глубь Эстонии. Устроились; были бы моложе, вполне вероятно стали бы строить карьеру...

Пробыв четыре дня в Тарту, Андрей заикнулся, что интересно бы показать Алине Муствее, этот своеобразный, отдельный кусочек страны. Избы, поленницы, церкви, музей старообрядчества, Чудское озеро, которое при желании можно представить Байкалом или тувинским Чагытаем... Мама поморщилась:

— Да что там... Езжайте лучше в Таллин.

Андрей не стал спорить. Уже заметил — вспоминать о прошлых годах родителям не хочется. Может, разругались с папиной роднёй, которая так душевно приняла их в девяносто третьем, помогла, а они сбежали...

— Ладно, — согласился он, — в крайнем случае, сами потом можем стонять. Тут час езды.

Стали собираться в столицу.

Леннарт куда-то позвонил, нашёл им квартиру на неделю. Заплатить вызвался сам:

— Это будет мой скромный подарок на вашу свадьбу. Квартира в центре, почти в Старом городе.

На следующий день поехали на автобусе — удобном, междугородном — в Таллин.

Андрей там ещё по-настоящему и не бывал. Так, гулял по паре-тройке часов до самолёта, один раз провёл ночь в отеле... В конце концов, появилась возможность изучить главный город страны, в которой живут мама, папа, сестра, племянник.

Нужный дом нашли без труда. Действительно, буквально в ста метрах от старинной крепостной стены и башенок с рыжими крышами-пирамидками. Дальше — шпиль готических соборов, замки...

— Бли-ин, как в мультфильме, — заморожено глядя в окно, сказала Алина.

Андрей приобнял её:

— Неделю мы будем персонажами этого мультика. — И хлопнул по карману, где лежала толстая пачечка крон. — Идём туда?

* * *

А сейчас, сгибаясь под ветром, дрожа, стуча зубами, он рывками двигался один по центру города Парижа и пытался что-нибудь запомнить.

Бегло оглядел Лувр — снаружи, — и потрусил в сторону Елисейских Полей. Они были дальше, за парком.

— Или как его... — пытался вспомнить; окоченевший мозг работал плохо. — Сад Тюильри. Да, видимо, он... Не поспешили на землю, просторно... Ветру есть где разгуляться...

Было бы лето, жара, он бы наслаждался тенью деревьев, наверняка посидел бы на укромной скамейке с бутылкой красного сухого. А сейчас холод заставлял бежать. Тормознул лишь возле одной скульптуры.

Металлическая — бронзовая? медная? — женщина лежала на постаменте, приподняв руки, словно защищаясь... Нет, не лежала, а зависала над

постаментом, с которым соприкасалась несколькими сантиметрами бедра.

Андрей много раз наткался на эту скульптуру в интернете, когда изучал Париж, помнил даже фамилии: автора — Майоль — и модели — Дина Верни. Девушка, почти подросток, позировавшая престарелому мастеру. Хотя по этой женщине не скажешь, что скопирована с юной модели.

Так или иначе, Дина Верни, пусть и в таком облике, лежит возле самого Лувра. Да и ещё несколько её воплощений неподалёку. Одного этого достаточно, чтоб быть счастливой на том свете, говорить: “Я прожила не зря”. Но для Андрея, да и, наверное, десятков тысяч говорящих по-русски, эта Дина известна, в первую очередь, песнями. Долго была безымянной тёткой из магнитофона со странным, царапающим слух голосом, а потом обрела имя, посмертно дождалась статей, воспоминаний, исследований.

И сейчас, вспомнив, как драл нутро этот голос из магнитофона, Андрей передёрнулся. А он зазвучал в голове, заскрёб мозг наждачкой слов:

*И вот опять сижу в тюрьме,
Не светит больше солнце мне
На нарах...*

Когда он впервые услышал эти песни? Лет в двенадцать, наверно, а может, и раньше. Значит, году в восемьдесят четвертом — восемьдесят пятом. Короче, в довольно нежном возрасте. Потому и песни эти стали страшным открытием какой-то другой стороны жизни. Вернее, про “ту” сторону он, конечно, уже знал, но не предполагал, что там тоже есть песни, состоящие из человеческих слов, а не звериного рычания.

А имя Дины Верни он узнал недавно — прочитал про неё статью, потом накопал разные истории и фотки в интернете. Оказывается, из русского мира. Хоть с самого края его, но всё же: родилась в Кишинёве, который был тогда под Румынией, но знала русский язык, некоторое время ребёнком провела в Одессе, а потом родители вывезли её в Париж...

Огонь была и в юности, и в старости. Из той же породы, что Лиля Брик, Фрида Кало, Наталья Медведева... Женечка наверняка такая же. Правда, о её достижениях что-то не слышно.

А Алина была другой. До поры до времени она казалась ему слишком тихой и мягкой, чересчур идеальной, что ли. К Ольге он испытывал благоговение все годы их сначала детского общения, подросткового, а потом и семейной жизни; рядом с Женечкой чувствовал постоянное напряжение, такое непрекращающееся возбуждение, не только половое, а всего организма. А с Алиной...

Неделю в Таллине можно бы назвать отлично проведённым временем. Вдвоём в просторной квартире — планировка необычная, и сауна даже, — полная свобода, красивый вид из окна. Но очень быстро Андрею стало скучно. Хотя, вроде, с чего?

Алина просыпалась раньше. Тихонько поднималась, шла мыться, потом готовила завтрак. Андрей мог спать или просто лежать до десяти, двенадцати, она его не беспокоила — не звала поесть, не предлагала план похода по городу, не прыгала к нему, чтоб пообщаться, растормошить на секс. Ждала. Может, с детства была приучена, что, когда у мужчины — отца, а теперь вот мужа — выходной или отпуск, его тревожить нельзя.

Завтракали за большим длинным столом. Работал телевизор. Там что-то говорили на непонятном, будто спотыкающемся языке. Но переключать на русский канал не хотелось, — может, чтобы не разрушать ощущение, что ты за границей.

После завтрака Алина прибиралась на столе, мыла посуду, а Андрей сидел тут же на диване и смотрел в экран.

Закончив дела, она опускалась рядом и тоже покорно смотрела, слушала тарабарщину. К Андрею не приставала; самое большее — принимала головой к его плечу.

Когда ему надоело испытывать её терпение, он спрашивал:

— Что, пойдём гулять?

Алина вскакивала:

— Пойдём! — И улыбалась радостно и благодарно: ты вспомнил обо мне.

В первые дни изучали Старый город. Каждый раз оказывались словно в другом месте, хотя были здесь накануне. Удивлялись плотности и экономности застройки.

— Буквально каждый метр в деле, а не скажешь, что тесно, — говорила Алина, — и для садилов место есть, для дворов, площадей. По уму всё.

— Да, ты права, моя хозяйюшка, — соглашался Андрей. — Но ведь это веками достигалось — строили, ломали, уплотняли.

Туристическую карту не покупали — не хотелось задаваться целью что-то посетить конкретно. На музеи, церкви натькались случайно: шли-шли и обнаруживали то башню Толстая Марта, то дом зажиточного эстонца, у которого гостил Пётр Первый, то храм Александра Невского, то родовой дворец баронов Унгернов...

Среди довольно пёстрых, весёленьких домов Старого города дворец Унгернов, из серовато-коричневых камней, выделялся, как надуленный дядка в толпе улыбающихся юношей. Казалось, дворец тяжело дремлет, ожидая возвращения кого-то. Этот кто-то вернётся, и дворец озарится огнями жизни, и стены поветлеют.

— Ты знаешь, кто в нём жил? — спросил Андрей жену. — Тот Унгерн, который во время гражданской войны возле Тувы куролесил... Монголы называли его богом войны. Он их, кстати, от китайцев освободил. Хотел империю Чингисхана восстановить.

— Да, я знаю про Унгерна, — сказала Алина. — И занесло же из такого тихого гнёздышка в монгольские степи.

Позже, вернувшись в Кызыл, Андрей прочитал, что именно в этом дворце Роман Унгерн не жил, скорее всего, и не бывал никогда. В нём жила другая ветвь баронов, с которой у его матери были плохие отношения. Но встречая упоминания об Унгерне, Андрей сразу представлял мрачный дремлющий дом в Таллине, а потом промёрзшую степь, по которой ветер метёт редкий сухой снег, и горстку мужчин в оборванной форме русских солдат...

Когда Старый город надоел, стали обследовать его окрестности.

Оказалось, Таллин состоит в основном из двухэтажных деревянных домиков, очень похожих на те, что ещё уцелели в центральной части Кызыла. Но если кызыльские выглядели скучно — или побелка, или вагонка с облупившейся краской, — то эти радовали глаз разноцветием, декоративными нащёлками, деталями.

— И ведь не сносят, — завистливо усмехался Андрей. — А столица государства. Будь в Москве такая застройка — бульдозерами за одну ночь, и под небоскрёбы.

Небоскрёбы, вернее, небоскрёбики в Таллине имелись, но выглядели как нечто инородное, были поставлены, кажется, лишь для того, чтобы продемонстрировать: у нас тоже есть современность, можем превратить город в "сити", если захотим; но мы не хотим.

Набрили на музей оккупаций. Несколко залов, набитых вещами сороковых — девяностых годов двадцатого века. Было впечатление, что жители снесли сюда всё, что у них осталось от недавнего прошлого. Фанерные чемоданы, ламповые радиоприёмники, бюсты советских и нацистских вождей, гранёные стаканы, красные флаги, счёты, дембельские парадки, рванный ватник, ложку со свастикой, пустую бутылку из-под "Пшеничной", немецкие канистры, машину- "инвалидку"...

— Скажите, — обратился Андрей к одной из смотрительниц, пожилой, явно знавшей русский язык, — а почему нет вещей времён оккупаций крестоносцами, шведами?

Смотрительница бетонно-безучастно уставилась Андрею куда-то между глаз, никак не реагировала. Как восковая кукла...

В тот же день — или на следующий — оказались на рынке. Маленьком, неприметном, возле железнодорожных путей. Зашли за решётчатые ворота и словно попали на родину. Но не сегодняшнюю, а лет десять назад — середины девяностых.

Лук-батун на газетках, сморщенная свекла, рядом — мутный хрусталь, серебряные, в пятнах, столовые приборы, клубки шерстяных ниток, длинные ряды потрёпанных советских книг; в окнах магазинчиков, похожих на сарай, — старые телевизоры, проигрыватели, торшеры... Но не в товарах было дело, а в продавцах. Унылые люди в старомодной одежде, печальные разговоры, отчаянные, но негромкие, без азарта, уговоры купить...

— Берите, берите, пожалуйста. Домашняя морковь, без химии. В песке храним.

— Да вот опять не шлют перевода. Задерживают там, говорят. А тут хоть вешайся.

— Да, в России тоже не сахар.

— Хотя бы чего продать. Дома шаром покати...

— Книги вот посмотрите. Вот очень хорошая — Олег Куваев. Переизданий давно не было. Посмотрите, молодые люди...

Стало очень тоскливо; Андрей приобнял Алину:

— Что, домой?

— Да...

Неделя, такая поначалу в каждом дне длинная, пролетела. Последний день.

Автобус в Тарту отходил в пять вечера, а собрали вещи с утра. Сидели за длинным столом, ждали, убивали часы. Гулять больше не хотелось — Старый город теперь вызывал подташнивание, как красивый, но слишком сильно залитый кремом торт. Хотелось простора, широты, дали.

Алина была грустной. А может, уставшей. Может, переполненной впечатлениями. Андрей не распрашивал, наоборот, всячески демонстрировал невнимание и равнодушие. Ждал, что Алина не выдержит, начнёт предъявлять претензии, высказывать обиды, и они повыясняют отношения... Он с недоумением и какой-то брезгливостью к себе сознавал, что без небольших ссор, споров ему скучно. И что странно — с другими женщинами такого не было, а Алина своей тихостью будто провоцировала на то, чтоб с ней поругаться, сказать обидное.

Скучно ему было тогда, дураку. Страстей хотелось. Потом-то Алина наверстаёт, отобьётся с лихвой. И убежит, как предыдущие.

— Что, пойдём куда-нибудь пообедаем? — первым не выдержал молчания Андрей.

— Давай... Только — у нас тут ещё осталось. Мясо в сковородке, спагетти. Помидор вот, паштет.

Андрей подумал и согласился:

— Хорошо, можно это доесть. Не тащить же с собой.

В четыре пришла хозяйка. Молодая эстонка. С хорошей фигурой, но глуповатым лицом. Глуповатость была, наверно, из-за того, что не знала по-русски. Или делала вид, что не знает. Молча осмотрела комнаты, заглянула в сауну, в тумбочки на кухне и вежливо улыбнулась съезжающим квартирантам. Дескать, всё в порядке, прощайте...

Чтоб показать Алине родину отца, сил не нашлось. Три последних дня провели в Тарту, почти не выходя на улицу, и Андрей просил время бежать скорее.

В новом родительском доме, который он смутно помнил ещё по детству — встал бабушку с дедушкой — было не скучно, а тяжело. Тёмная мебель, будто из железа выкованные шторы, высоченные потолки, которые, кажется, не белили сто лет, множество мелких вещичек, покрытых, как смолой, какой-то липучей пылью... Мама, раньше такая чистюля, что даже папа, которого малейший беспорядок выводил из себя, часто просил: “Перестань, пожалуйста. Всё идеально. Тебя бы к нам дежурным — дневальных гонять”, — здесь явно боялась хозяйничать, ограничиваясь кухней и их с папой спальней. Казалось, за каждым её движением ревниво следила и готова была отчитать за самоуправство старшая сестра Эльвира. Старая, уменьшившаяся до размеров десятилетней девочки, превратившаяся в странный предмет мебели, но — с глазами и противным, повизгивающим голосом.

Она передвигалась по квартире редко и мало. Но если вдруг возникало оживление, бралась за ходунки и довольно энергично двигалась из своей

комнаты туда. И сверлила, сверлила взглядом производящих оживление...

Папа и в первые дни, и теперь откровенно избегал разговоров с Андреем. Ссылаясь на дела, почти всё время где-то пропадал. Во время общего ужина был приветлив, шутил, рассказывал забавные случаи на службе, но после ужина сразу уходил в спальню.

— Устал, пойду полежу.

Лишь в последний день, за несколько часов до отъезда в аэропорт, предложил Андрею прогуляться.

— Вдвоём? — ещё вчера Андрей обижался, что папа избегает оставаться с ним наедине, а теперь встретился.

— А что? Пройдёмся.

— Ну, конечно... Пойдём.

Медленно шли по бульвару. Папа, до сих пор сохраняющий офицерскую выправку, всё же заметно одряхлел. Особенно это бросалось в глаза сейчас, когда он пытался быть бравым и крепким. Готовился поговорить с сыном о важном.

“А ведь они с мамой когда-нибудь превратятся в нечто вроде тётки Эльвиры. Беспомощных и наверняка недобрых. Обозлённых. Поймут, что жизнь кончилась, а прожить её по-настоящему не получилось, — со страхом, от которого защипало пальцы, подумалось Андрею; он не хотел об этом подумать, но вот пришло само, против воли. — И как тогда? Что Татьяне тогда? Ходить за ними, слушать ворчание, эти вскрики визгливые, как вот маме сейчас от тётки?..”

— Как у тебя, — заговорил папа, и щипание пальцев прекратилось, но лишь на мгновение, — по любви и в этот раз?

— А?.. Женился?

Папа не уточнял, только досадливо покривился; за время службы ему наверняка тысячи раз приходилось иметь дело с солдатами, косящими под дураков. Но тогда было легче: “Два наряда вне очереди!” — а тут... Тридцатислишнимлетний сын в третий раз женился, работает хрен знает где, живёт в квартире, которую уже десять лет выкупает у первой жены. А квартира эта в городе, из которого уезжают и уезжают русские. А сын не уезжает.

Отсюда-то происходящее в Туве, да и вообще в России видится, как через увеличительное стекло, причём со смещённой оптикой.

— О любви сложно говорить, — ответил Андрей. — Два раза по любви женился, и что толку... Алина — хорошая девушка. Спокойная, серьёзная. Может, мне теперь такую и надо.

Папа медленно покивал, словно по слову усваивая это признание.

— А родители у неё, мы слышали, простые совсем. Крестьяне.

— Ну, так... Коренные... Предки ещё до революции в Сибирь переехали.

— И ты с ними нормально? Уживаетесь?

Андрей чувствовал себя маленьким, что-то натворившим и теперь пытающимся оправдаться.

— Да нормально, — выдавливал он ответы, — уживаемся... Обычные люди... Трудолюбивые.

— Трудолюбивые... Это хорошо.

Прошли метров сто по улице Ванемуйне.

— Бывшая Садовая, — сказал папа. — А сейчас называется в честь театра. Ванемуйне — бог музыки... Выйдем на Кююни, — папа произносил эстонские слова всё-таки с некоторым усилием, — покажу тебе кое-что.

— А Кююни эта как называлась?

— Александровская, кажется.

Андрей хотел спросить, как переводится “Кююни”, но не стал. Чувствовал, что особое любопытство проявлять не стоит.

Свернули налево, пересекли эту самую Кююни и пошли вдоль парка.

— Назван в честь Барклай-де-Толли, — как бы по обязанности сообщил папа. — Талантливый был военачальник, но на него свалили неудачи двенадцатого года. И никакие контрдоводы не помогают — ни доказательства историков, ни звание фельдмаршала, ни памятник в Петербурге...

— Да, да, — отозвался Андрей, всё ожидая, когда папа перейдёт к главному.

— А вот, видишь, какое современное искусство недавно у нас появилось. Андрей первым делом отметил “у нас”, а потом уж увидел двоих стоящих и ввязавшихся за руки бронзовых мужчин. Голых, с висящими и слегка поблёскивающими от частых прикосновений к ним членами. Один мужчина нормального сложения, другой — какой-то одутловатый. Присмотревшись, Андрей понял, что одутловатый — ребёнок лет двух, но ростом почему-то со взрослого.

— Называется “Отец и сын”, — сказал папа. — Поначалу возмущались, письма писали, а теперь привыкли. Даже символом стали.

— Каким?.. Чего символом?

— Что эстонский народ не кончится. Отец и сын рука об руку крепко идут по земле.

Оглядывая скульптуру, Андрей внутренне заспорил: “Скорее, символизируют обнищавших до голости, бредущих в поисках жратвы и тряпок... Или, точнее, отец провожает сына в люди...”

Конечно, вслух говорить такого не стал: папе было не до шуток — смотрел на скульптуру с какой-то хмурой грустью.

— Слушай, — произнёс папа таким тоном, что Андрей сразу догадался: вот оно, сейчас прозвучит, главное. — Слушай, может быть, подумаете о переезде? Это пока довольно легко. Во-первых, мы с мамой относительно деееспособны, скажем так, поможем, поддержим. С жильём тоже... Сам видел, какая квартира. Места хватит... На Эльвиру не надо внимания обращать — больной человек. Во всех смыслах... У Татьяны с Леонидом к свадьбе идёт. Всё, вроде, почти правильно, почти всё вместе... — Папа пожевал губами; уговаривать ему было сложно, неловко, вообще не в его характере, тем более уговаривать сделать, как он считал, очевидное, необходимое. — Что тебе там? Ведь если подумать, взвесить, то ты просто двенадцать лет потерял.

— Ну, почему потерял...

— Не так? А чего добился? Тебе уже за тридцать...

Андрей чуть не усмехнулся:

— Ты прям мои мысли читаешь.

— Тебе четвёртый десяток, — продолжал папа через силу, но жёстко, по-офицерски, — и с чем ты в него вошёл? Ещё лет пятнадцать — начинёшь старость чувствовать. Да, да, это быстро... Я теперь очень жалею, что году в восемьдесят шестом не уволился, не вернулся сюда. И что, когда сюда переехали, столько лет в деревне прятался. Но всё-таки нашёл в себе силы... Не скажу, что мне легко сейчас. Наоборот, я для них — белая ворона, совок. От моего русского они морщатся, как, скажи, я матом их крою. Но я не их, а себя виню — сам виноват, что затянул... Понимаешь, ты всё равно оттуда уедешь. Из Тувы этой. И из России. Все, у кого зацепки есть, едут в Европу. У большинства нет, и они там... А у тебя пока есть. Мы. Лучше, чтобы это скорее случилось. Для тебя лучше, Андрей, для твоей жены, для детей будущих.

Папа пристально смотрел на него. И почти зло, и в то же время просяще. Андрей отвёл взгляд, попал на скульптуру. Там тоже двое, отец и сын... Сказал, общем-то, искренне:

— Даже если я захочу переехать, Алина откажется. У неё вся родня там... несколько поколений уже. Брат вообще очень такой... боевой... казак.

— При чём здесь родня? Пускай они живут, как хотят. И... сейчас ведь переезд — не эмиграция, какая двадцать лет назад была, когда — с концями... Захотели — съездили погостили, они могут сюда... Что вам в этой Туве? Ты вообще там случайно оказался. Перевели бы меня через два-три года тогда, и не помнил бы её... А нас, Эстонию, в Шенген берут, о переходе на евро говорят... Эстония — часть Европы. Понимаешь? А у меня чувство, что скоро между Европой и Россией такая пропасть возникнет... Всё к тому идёт. Или Россия в новый Ирак превратится, Афганистан. Как хлынут оттуда толпы, вам поздно будет... Так что, — с каким-то кряхтением закончил папа, — подумай и решай.

Андрей помялся, потомился поиском ответа и пробормотал:

— Я подумаю.

И вот думает до сих пор.

— Да и не думает он ни фиги, — сказал о себе Топкин в третьем лице.

Не обсуждал предложение папы тогда с Алиной, не сомневался по-настоящему. Знал, что не переедет. Не умом, а иначе... Даже теперь, когда жена с сыном и всей своей роднёй свалила из Тувы.

Тем более не сомневался, что через год примерно после поездки произошла та история с Бронзовым солдатом: из-за переноса памятника и могил погибших при освобождении Таллина советских солдат из центра на кладбище начались протесты, а потом беспорядки. Они всколыхнули Россию, точнее, Россия как-то с готовностью всколыхнулась, будто давно ждала повода: в Москве блокировали эстонское посольство, молодяк гонялся за послом, люди ругали эстонцев: “Сволочи, ублюдки фашистские!” Самые активные рванули в Таллин защищать памятник.

Эта волна коснулась и Андрея. Однажды шурин приехал к нему домой. Разбираться.

Сел на кухне, широко расставив ноги и навалившись на стол, как какой-нибудь Григорий Мелехов — только шинели не хватало, — и попросил ровно, но с плохо сдерживаемым бешенством:

— Объясни мне, Андрюха, что там такое делается?

На самом деле Андрей не видел ничего ужасного в переносе памятника, но чувствовал, что лучше поддерживать общее негодование или хотя бы не сопротивляться ему. К тому же та жёсткость, с какой разгоняли и задерживали протестующих в Таллине, его удивляла, а убийство русского парня — возмутило. Но недоумение было сильнее возмущения. “Чего они все, как с цепи сорвались?”

— А почему ты решил, что я могу объяснить? — ответил он Михаилу вполне миролюбиво.

— Ну, как... Ты ж, считай, тоже оттуда.

— В каком смысле?

— Родители там, корни... Ездил вот, и Алинку нашу возил.

— И что? У нас чисто турпоездка была... Родители мои — нормальные русские люди.

Михаил побарабанил пальцами по столешнице. Казалось, сейчас взревет: “Русские!?” — и бросится на Андрея. Убивать.

— А... а чего они там, — спросил, заикаясь, — если русские? В логове этом... у врагов... Они вон что творят... Скоро Гитлеру памятник сделают.

Андрей промолчал. Обвинения, конечно, несправедливые, мысли о памятнике Гитлеру бредовые, но крыть было нечем.

— Так, в общем, — Михаил собрал пальцы в кулак, — больше Алина туда не поедет. Ясно? Нечего...

— Позволь нам самим решать, ездить или не ездить. Мы сами взрослые, между прочим. Да и забудется эта история через месяц.

— Нет! Не забудется! Отныне — всё, точка невозврата. Враги они нам. И родители твои, получается, тоже.

Андрея затрясло. Теперь он готов был кинуться на шурина. Но прилив злости принёс и разумный довод:

— Да? А те, кто за памятник бился? Это ведь жители Эстонии, в курсе? И парень, которого зарезали.

— Он — гражданин России!

— А жил с матерью в Муствэе, откуда мой папа как раз... Они тоже враги, эти люди?

— Нет, конечно.

— Ну, и что тогда?... Может, и мои родители среди них. Просто они старые уже под дубинки лезть... Поэтому не надо всех под одно.

На Михаила эти слова произвели впечатление. Он как-то обмяк, гримаса ярости сменилась замешательством.

— Надо выяснить тогда, кто на чьей стороне, — сказал он не слишком уверенно и ушёл.